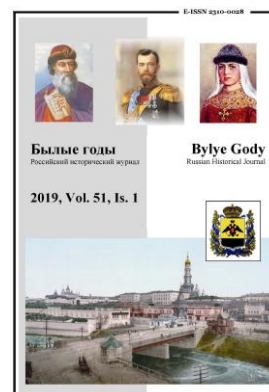


Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
 Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 51. Is. 1. pp. 138-148. 2019
 DOI: 10.13187/bg.2019.1.138
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century

Yuliya A. Lysenko ^{a, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The mass attack on Russian trade caravans in the Kazakh steppe, which began at the turn of the XVIII–XIX century, followed by transit to the markets of Central Asia, actualized the issue of their security in the Russian-Kazakh relations. The emergence of this problem was due to the departure from the political arena of the authoritative khans of the XVIII century and the growing struggle for power between their numerous descendants. The ability to accompany Russian caravans through the Kazakh steppe, ensuring their safety, was considered by the Kazakh ethno-elite as a strong argument for strengthening political influence. Competition between it for this right led to attacks on trade caravans of those sultans who could not use it.

At the beginning of the XIX century the problem of safety of trade caravans was discussed with members of "Deputy missions" of Junior and Middle zhuzes, who came to the court of Russian emperors. At the conversations, the issues of strengthening the protection of caravans, the responsibility of sultans for their support, mechanisms for identifying those responsible for the attacks were discussed. The regional government called the governors of clans to strengthen control over situations in the wilderness, and to prevent new attempts of attacks. However, diplomatic measures did not bring the desired effect. Therefore, since the 20-ies of the previous century Russian authorities began to consider the robbery of Russian trade caravans as a criminal offense and to determine the measure of responsibility of the guilty within the framework of the current legislation. At the regional level, stronger measures have been taken to capture and punish those responsible.

Keywords: Russian Empire, Kazakhs, Xinjiang, Bukhara, Khiva, transit trade, security.

1. Введение

С началом присоединения территорий Младшего и Среднего жузов к Российской империи, правительство уделяло значительное внимание расширению азиатской торговли. На протяжении XVIII в. была сформирована сеть таможенных застав в Оренбурге, Троицке, Усть-Каменогорске и Семипалатинске. Разгром Джунгарского ханства в середине того столетия и последовавшая стабилизация международной ситуации в центральноазиатском регионе способствовали расширению внешней торговли России с китайской провинцией Синьцзян, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством (Апполова, 1976). Для торгующих в крепостях Урало-Иртышской укрепленной линии российских и иностранных купцов создавался режим налогового благоприятствования. В 1777 г. был разрешен беспошлинный обмен товарами казахам, активно поставлявшим на рынок скот и продукцию животноводства.

Признанным центром российско-азиатской торговли XVIII в. являлся Оренбург. Именно из этого города отправлялись русские купеческие караваны в хивинские и бухарские владения через

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

кочевья казахов Младшего жуза. Из Ташкента и Коканда они имели возможность следовать в города Восточного Туркестана (провинция Синьцзян) (Политика России..., 2014: 123-125). Второй не менее важный торговый маршрут передвижения русских караванов на рынки Синьцзяна проходил через кочевья казахов Среднего жуза: из Семипалатинска по долине Верхнего Иртыша и Тарбагатай в Чугучак и оттуда по китайским пограничным пикетам в Кульджу (Сладковский, 1977: 211). Таким образом, казахская степь приобретала важное транзитное значение для расширения торговли России в Азии.

Торговлю между Российской и Цинской империями монополизировали бухарские, кокандские и хивинские купцы, поволжские и сибирские татары. Однако посредниками между ними и китайскими купцами выступали казахские родоправители. Все торговые караваны из России в Синьцзян направлялись как «посольства» от казахских султанов, «под именем их собственности»; обязательным условием являлось наличие рекомендательных писем от них китайским властям. Ситуация объяснялась тем, что казахи – российские подданные, кочевавшие на сопредельных российско-китайских территориях, как правило, формально признавали и китайское подданство. Это давало им возможность беспрепятственно торговать в Синьцзяне. Таким образом, казахские родоправители выполняли посреднические функции, сопровождая караваны по пути следования, предоставляя им безопасность и протекцию на рынках Чугучака и городов Восточного Туркестана. За это родоплеменная верхушка взимала с владельцев караванов пошлину (История Казахстана..., 2000: 196-197; Материалы по истории..., 1948: 352).

В то же время предпринимаемые коммерческими кругами Российской империи попытки расширения центральноазиатской торговли в первые десятилетия XIX в. неизменно наталкивались на проблему безопасности торговых караванов. Несмотря на гарантированную казахскими султанами неприкосновенность, российские караваны, следовавшие транзитом через территорию Младшего и Среднего жузов, подвергались массовым нападениям и грабежам. Вопрос об их безопасности стал важным аспектом российско-казахских отношений первой половины XIX в.

2. Материалы и методы

Для выявления механизмов решения российскими властями проблемы безопасности торговых караванов, следовавших транзитом через казахскую степь на центральноазиатские рынки, использовались архивные источники, отложившиеся в РГИА. Среди них, прежде всего, материалы «депутатских миссий» казахских ханов, султанов Младшего и Среднего жузов ко двору российских императоров в первой половине XIX в. В ходе этих визитов сторонами обсуждались механизмы расширения азиатской торговли, способы усиления охраны торговых караванов и ответственности казахских родоправителей за их сопровождение, поимку и наказание виновных в разграблении того или иного каравана. Кроме этого, использовались документы делопроизводства центральных (Азиатский департамент МИД, Земский отдел МВД) и региональных (Сибирская администрация, Оренбургская пограничная комиссия) органов власти, отражающих их позицию и конкретные предложения по устранению существующей проблемы.

Методической основой статьи выступили конкретно-исторические методы исследования. Историко-генетический метод позволил выявить причины возникновения проблемы безопасности российских караванов, следовавших на центральноазиатские рынки транзитом через казахскую степь, рассматривать ее во взаимосвязи с динамикой внутривосточной ситуации в Младшем и Среднем жузах первой половины XIX в., а также политикой Российской империи в отношении данного этнорегиона. Историко-сравнительный метод позволил проследить эволюцию в подходах правительственных кругов к решению проблемы безопасности российских торговых караванов и сделать выводы об использовании более решительных/силовых методов ее преодоления в конце 20-х–30-е гг. XIX в.

3. Обсуждение

В историографии накоплен значительный эмпирический материал по истории торгово-экономических отношений Российской империи с государственными образованиями Центральной Азии и Китаем в XVIII–XIX вв. Так, работы Н.Г. Апполовой, Е. Бекмаханова, С.З. Зиманова и др. посвящены вопросам российско-казахской торговли (Апполова, 1960; Бекмаханов, 1947; Зиманов, 1960). В целой серии исследований Н.А. Халфина анализируется динамика торгового баланса между Российской империей и Бухарским эмиратом, Кокандским и Хивинским ханствами (Халфин, 1960; Халфин, 1974). Вопросы российско-китайской торговли, в том числе в Синьцзяне и Внутренней Монголии, рассматривались М.И. Сладковским, А.В. Старцевым, С.Б. Кожировой, В.В. Галиевым и др. (Галиев, 2003; Кожирова, 2000; Сладковский, 1977; Старцев, 2003).

Следует отметить, что в поле зрения вышеперечисленных исследователей находился целый спектр вопросов российско-азиатской торговли: влияние внешнеполитической ситуации в центральноазиатском регионе на динамику межгосударственных торговых отношений, формирование их нормативно-правовой базы; таможенная политика и создание системы таможенных округов в регионе; развитие инфраструктурных объектов, прежде всего дорожных трактов; структура товарооборота, контрабанды и т.д. Однако при всем многообразии сюжетных

композиций истории российско-центральноазиатской торговли в XVIII – начале XX вв. проблема безопасности российских торговых караванов оставалась за рамками специального научного исследования. Представленная статья являет собой попытку восполнить существующий в историографии пробел.

4. Результаты

В начале XIX в. российская караванная торговля продолжала оставаться традиционным и единственным способом ведения внешней торговли в Центральной Азии. Караваны численностью 50–60 верблюдов отправлялись, как правило, в июле–августе; в Кульджу и Чугучак они выходили из Семипалатинска, Петропавловска и Усть-Каменогорска; в Хиву и Бухару – из Оренбурга, Орска и Троицка. Время следования каравана составляло 50–60 дней. На зимовку они оставались в центральноазиатских владениях, а в Россию возвращались в марте следующего года (Сладковский, 1977: 213). Периодичность отправки караванов установить достаточно сложно. По косвенным свидетельствам очевидно, что они снаряжались ежегодно из всех вышеуказанных городов Урало-Иртышской военно-оборонительной линии (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 24).

Казахские правители на рубеже XVIII–XIX вв. продолжали выступать посредниками в расширении российско-центральноазиатской торговли. Нередко в «официальных прошениях», передаваемых ханами и султанами российским властям, содержались просьбы казахских правителей «разрешить торговать в российский пределах хивинским, бухарским и даже кокандским купцам» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 28 об.–29 об.). Например, в 1805 г. в ходе визита в Санкт-Петербург султанов Среднего жуза Газы Букеева, Габидуллы Худай Мендина и Карадила и Пшеня Урусовых ими было передано «расположение куканского (кокандского – авт.) бека завести с российскими купцами торговлю и впускать их для того в свой город». Данное «расположение» было получено от кокандского бека внуком султана Букея, Али-султаном, который в 1804 г. сопровождал караван татарского купца Тобольской губернии Нерпина в г. Туркестан. Кокандский бек, узнав об этом караване, выслал с ним письмо султану Букею со своей просьбой. В Петербурге сын султана Букея, Газы, пояснял, что путь в Коканд «достаточно сложный», «не прям путем лежит, а через горы и камни; а наипаче опасности от народов, называемых каменными киргизами». Поэтому Газы Букеев предлагал услуги своего отца по сопровождению и охране каравана в случае его отправки в Коканд (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 28 об.–29 об.).

Коммерц-коллегия признала «сие домогательство надобными», поскольку «такое домогательство кокандского правителя лежит дальше Ташкента, то посредством прохождения наших караванов чрез разные области можно будет и более приобрести сведения об азиатской торговле и далее расширить торговое поле наше» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 36). Сибирской администрации было отдано распоряжение «проработать вопрос», а султану Букею донести, что «о принимаемых к установлению с Коканом торговых сношений он, Букей, в свое время извещен будет» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 76).

Важно отметить, что российские власти признавали посредническую роль казахских правителей и султанов в развитии азиатской торговли. Выполнение данных обязательств, по их мнению, определялось «верноподданнической верностью», «верноподданнической непоколебимостью и преданностью» того или иного родопрародителя и являлось основанием для назначения денежных выплат, пенсий, пособий, наград, присвоения гражданских чинов и офицерских званий. Заслуги ханов и султанов, связанные с обеспечением безопасности российских купеческих караванов, «предохранением их от разграбления небагонамеренных киргиз-кайсаков», выступали основанием для разрешения на прибытие к императорскому дворцу в Петербург (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 27. Л. 1-1 об.). Данные поездки депутатских миссий казахской этноэлиты активно практиковались в первой половине XIX в. и являлись важной формой российско-казахского межцивилизационного диалога (Lysenko, 2018).

Относительное равновесие в транзитной торговле России через казахские степи в первые десятилетия XIX в. осложнялось проблемой безопасности купеческих караванов. Так, в 1800 г. торговый караван, следовавший в Кашгар и охраняемый султаном Среднего жуза Букеем, подвергся нападению и разграблению со стороны его ближайшего родственника хана Среднего жуза Вали (Уали). Об этом происшествии стало известно императору Павлу I, который предписал хану Вали найти виновных в разграблении каравана и «дать объяснение». Некоторое время спустя инспектор от инфантерий Сибирской инспекции генерал-майор Лавров сообщил: «...Хотя хану (Вали – авт.) многократно писано и предшественником моим и мною, чтобы он приказал виновным удовлетворить обиженных, но вместо требуемого удостоверял, что на сию сумму товаров взято в караване не подчиненными его киргизцами, а им самим, в пошлину, по существующим издревле обыкновениям и что он, хан, имеет расчет с киргизцами каракисецкой волости, состоящими под управлением султана Букея, кой караван он тогда сопровождал» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 131). Из приведенной цитаты документа следует, что хан Вали себя виновным не признавал и был убежден, что действовал вполне законно, опираясь на существующие в степи обычаи. Уже упомянутая выше депутатская миссия Газы Букеева, Габидуллы Худай Мендина, Карадила и Пшеня Урусовых, отправленная султаном Букеем (обеспечивающим безопасность разграбленного Вали ханом

каравана) в Петербург в 1905 г., вновь подняла вопрос о призвании хана Вали к ответственности и просила российские власти усилить на последнего давление для положительного разрешения проблемы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 29-30 об.).

В 1803 г. по пути в Бухару была разграблена торгово-дипломатическая миссия Я.П. Гавердовского. Ей придавалось огромное государственное значение в центральноазиатской политике Российской империи. Министр коммерции Н.П. Румянцев ставил перед миссией задачу «лучшего разведания о торговле тамошнего края во всех ее отношениях» (Халфин, 1974: 62). В этой связи официальная инструкция царского правительства, утвержденная Александром I 14 ноября 1802 г., нацеливала Я.П. Гавердовского на выяснение проблем, препятствующих развитию двухсторонних торговых отношений с Бухарой и нормализации транзитной торговли между двумя странами как по пути следования российских и бухарских караванов через казахскую степь, так и на территории самого ханства. Для выполнения этой цели поручику рекомендовалось наряду с обстоятельным «разведанием» состояния экономики и общественного устройства Бухарского эмирата собирать «основательные» сведения о казахских жузах: «которые роды их кочуют в тех местах, где... проезжать должно будет; кто старшины и солтаны управляют ими и преданы ли они Российской державе» (Внешняя политика, 1960: 332-337).

К дипломатической миссии, выехавшей из Оренбурга в Бухару 23 июля 1803 г. присоединился караван русских купцов, который вез на 55 верблюдах товаров на сумму 260 тысяч рублей (Халфин, 1974: 70-72). В течение почти 1,5 месяцев оно достаточно благополучно продвигалось по западному региону казахской степи, но 6 сентября, оказавшись в урочище Ходжаберган, подверглось внезапному нападению группы казахов племени шекты, поколения алимулы Младшего жуза во главе с их ханом Абулгазы Каиповым и биями Жаназаром, Жанузаком и некоторыми другими степными лидерами. Караван был почти полностью разграблен, поручик Я.П. Гавердовский 30 сентября 1803 г. с основной частью своих людей был вынужден бесславно завершить экспедицию и возвратиться в Оренбург. Как справедливо отмечает Н.А. Халфин, «российская дипломатическая миссия 1803 г. в Бухарское ханство потерпела на территории казахских кочевий полный провал, а пресловутые в официальных документах тех лет урочище Ходжаберган стало местом краха надежд царского правительства на установление относительно регулярных торговых отношений с Бухарой и возможность дальнейшего беспрепятственного развития транзитной караванной торговли в регионе (Халфин, 1974: 72-73).

Нападение на торгово-дипломатическую миссию Я.П. Гавердовского вызвало значительный резонанс в российском обществе. Уже в конце 1803 г. из Петербурга было получено разрешение на проезд в столицу депутатской миссии родоправителей Среднего жуза, родственников хана Абулгазы Каипова, организовавшего нападение на караван Я.П. Гавердовского, – султанов Джангира Каипова, Джантиля Джаныбекова, Игимурата Балтина, Джимантая Таштемирова. Главной целью их поездки стало «объяснение причин, по коим разграблены наши караваны Гавердовского» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 1). Казахским султанам было крайне важно доказать свою непричастность к разбойному нападению, поскольку российские власти по факту грабежа сразу лишали их монаршей милости и прекращали выплаты им денежных пособий, пенсий и т.д. По приезду ко двору делегаты представили письма-объяснения, в которых приводились аргументы их непричастности к противозаконным действиям соплеменников (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 54).

Уже к концу 1803 г. военный губернатор Оренбургского края Г.С. Волконский располагал достаточно объективной информацией о казахских родовых подразделениях Младшего жуза, занимавшихся грабежом российских караванов. Согласно представленной им в МИД «Записке о численности, местах кочевок и торговле отдельных родов Большой, Средней и Малой Орд, составленной старшиною Кобек Шукур-Али улы и казанским татаринном Галием Шахмутаровым» из 41 рода Младшего жуза, торгующего или занимающегося обменом товаров в Оренбурге, Троицке и на рынках Бухары и Хивы, 10 родов параллельно систематически занимались грабежом торговых караванов. Среди них в документе были названы следующие родовые подразделения: алимулы карасакальского рода (правители Суяндук бий и Айтубар бий), каракитинский род (правители Кунгурбаш бий и Кунурбаш бий), чумекей-джилдерский род (правители – старшины Китябай бий, Куран батырь, Аителаш бий и Ярмамать бий), «более виновный по грабежам караванов» чумекей-каратамырский род (старшины Айтим бий и Мурзагул бий), чумекей-тукинский род (старшина Самет батырь), чумекей-куитовский род (старшины Сийдали бий и Ирак бий), чумекей-кунякский род (Буликей султан Иралаи ханов), «главные грабители караванов» алим улы дюртъкаринский род (Каракубек бий, Баши Кара бий, Кара Алтай, Сары Алтай, Яныш бий, Акбута бий, Тикмиюз, Алтай бий и зять Кара-Кубека, Сир Гази султан), чиклинский род, ограбивший караван Я.П. Гавердовского (старшины Янназар, Янузак, Ходжа берган, Чун гай бий, Мусульман бий и «назвавший себя ханом Аблязи султан»), алимулы каракиятский род (старшины Айдарбег и Тукман) (Материалы по истории..., 1940).

Примечательно, что в «Записке» не было названо ни одного казахского рода Среднего и Старшего жуза, занимавшихся нападениями на торговые караваны. Данный факт является косвенным свидетельством того, что в этот период российско-бухарско-хивинская торговля носила более оживленный характер по сравнению с российско-китайской торговлей на рынках Синьцзяна.

Кроме этого, военный губернатор Оренбургского края Г.С. Волконский вполне мог не владеть полной информацией о казахских родах Среднего жуза, занимавшихся грабежом караванов, поскольку последние не входили в сферу его компетенций и подчинялись сибирской администрации.

Тем не менее, из представленной «Записки» становилось очевидно, что грабеж российских и центральноазиатских купцов являлся доходным промыслом казахов Младшего жуза. Награбленное вместе со своим товаром они имели возможность беспрепятственно сбывать на рынках Бухары и Хивы. По свидетельствам путешественников первой половины XIX в., помимо грабежа караванов, «весьма распространенным видом нападения» являлась барымта – насильственный угон лошадей, когда, подкравшись ночью к пасущимся лошадям, с невероятной быстротой похищалась часть из них. Этим действиям следовало опасаться, потому что несколько грабителей, соединившись вместе и напад врасплох на наших часовых, могли причинить ...непоправимый урон. Даже в том случае, если киргизы не осмелятся напасть на ...многочисленный эскорт, ...не исключено, что они подожгут траву и камыш в степи, где мы будем проходить, чтобы тем самым умножить трудности путешествия или даже сделать его невозможным» (Мейендорф, 1975: 23).

Представляется, что причин нападения казахов на российские торговые караваны, следовавшие транзитом через степь, было несколько. В сложившейся системе традиций казахского общества барымта – угон скота у соплеменников – являлась нормой социальных отношений. В рамках судебного права кочевников – адату – барымта/имущественная компенсация назначалась судом биев мерой наказания виновных в том или ином преступлении. Вполне очевидно, что захват имущества, лошадей и верблюдов у российских и азиатских купцов казахами не расценивался как уголовное преступление и ментально вписывался в традиционный институт барымты. Кроме это, как отмечали еще путешественники первой половины XIX в., «киргизы, недовольные тем, что русские исследуют их пустыни, нередко совершают нападения на проходящие караваны» (Мейендорф, 1975: 23). Действительно, на протяжении XVIII – начала XIX вв. российские власти целенаправленно проводили комплексное исследование территорий Младшего и Среднего жузов, пытаясь выявить их демографический и экономический потенциал. Данный процесс сопровождался строительством военно-оборонительных линий, которые в начале девятнадцатого столетия стали выдвигаться вглубь казахской степи. Однако в большей степени увеличение количества нападений на торговые караваны нужно связывать, по нашему мнению, с уходом с политической арены авторитетных ханов XVIII в. и ростом борьбы за власть между их многочисленными потомками. Право сопровождать российские караваны через казахскую степь, обеспечивая их безопасность, стало рассматриваться казахской этноэлитой как веский аргумент усиления ее политического влияния. Конкурентная борьба между ней за это право приводила к межродовым столкновениям, проявлявшимся в форме барымты – насильственного угона скота – и нападений на торговые караваны тех султанов, которые смогли им воспользоваться.

Нужно отметить, что российские власти проблему безопасности транзитных торговых караванов рассматривали в привязке к международной ситуации в центральноазиатском регионе и российско-хивинским отношениям. По мнению чиновников, инициаторами и покровителями казахов Младшего жуза в нападениях на торговые караваны выступали хивинские ханы, подданные которых также принимали участие в грабежах. Члены торгово-дипломатических миссий 20-х гг. XIX в. отмечали, что «они (хивинцы – авт.), не менее проворные, чем киргизы, но более сплоченные, неоднократно совершали набеги отрядами в четыре-пять тысяч человек. ...Нападения грабителей столь же быстры, сколь и неожиданны. Они наводят панику криком и воем, и верблюды, разбежавшись, легко попадают в их руки. Лучшее средство предупредить такое замешательство – заставить животных опуститься на задние ноги: тогда их с трудом можно поднять. Но часто не остается времени, чтобы прибегнуть к этой предосторожности, и тогда караван пропал: очутиться в киргизской степи без верблюдов – значит погибнуть» (Мейендорф, 1975: 32). Наиболее резонансным стало нападение хивинцев в 1824 г. на отправленный в Бухару вооруженный караван полковника Циолковского под конвоем из 625 человек и двух орудий.

В связи с этим решение проблемы безопасности торговых караванов российскими властями виделось, прежде всего, в урегулировании российско-хивинских отношений. Принявшие массовый характер нападения на торговые караваны актуализировали принятие более решительных действий в данном направлении. Поэтому в начале XIX в. впервые в азиатской политике России была высказана идея о необходимости отказа от дипломатического давления на Хиву и перехода к ее военному захвату и возможному политическому подчинению. Уже зимой 1824 г. состоялась военная экспедиция к устьям Эмбы под командованием полковника Генерального штаба Берга для исследования маршрутов передвижения в Хиву. В 1831 г. полковник Генс провел рекогносцировку рек Карт, Аят, Суяндук. Все эти мероприятия подготовили и сделали осуществимым первый военный поход на Хиву в 1839–1840 гг. под командованием военного губернатора Оренбургского края В.А. Перовского.

Реакцией российской власти на грабеж торговых караванов казахами Младшего и Среднего жузов стало появление проектов, направленных на их «обуздание». Так, в 1804 г. военным губернатором Оренбургского края Г.С. Волконским был подготовлен и представлен императору Александру I проект «Мер к усмирению казахов, отучению их от хищничества и приучению к оседлой

жизни для большей безопасности русских торговых караванов» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 1–1 об.). При всей утопичности и даже некой абсурдности проекта в нем поражает, прежде всего, убежденность автора в необходимости принятия жестких и репрессивных мер, направленных на «усмирение степи». Его центральная идея – организация массового/сто процентного и насильственного переселения казахов «с настоящего их гнезда» «во внутренние степи России – Астраханскую, Саратовскую и Сибирскую губернии». Для этого предлагалось «наполнить оные (казахские степи – авт.) твердыми гарнизонами, высылать ежегодно экспедиции для пленения киргиз со скотом».

Г.С. Волконский признавал, что «мера эта может показаться жестокою и кровопролитною», но был убежден, что она оправдана, т.к. «необходимо действовать всеми средствами на пресечение грабительств, тем более что насильно переселить удастся какую-то часть, а остальные переселятся сами, через убеждение» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 4-5 об.). На освободившиеся территории губернатор считал рациональным организовать переселение крестьян, которые «сами будут охранять земли и границу, поэтому войска содержать здесь не придется». Получив данный проект, Александр I отдал приказ военному министру сухопутных сил С.К. Вязмитинову и министру иностранных дел князю Чарторыйскому обсудить его (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 29). Однако, к счастью, дальше обсуждения дело не продвинулось.

После неудачного завершения миссии и возвращения в Петербург предлагал свои проекты «усмирения степи» и поручик Я.П. Гавердовский. К числу составленных им в первые месяцы после возвращения в столицу аналитических документов, представленных правительству, следует отнести следующие записки: «Система к преобразованию и устройению киргизского народа, для возвращения разграбленного капитала, успокоения караванных ходов и приведения в порядок киргизские роды и всей Оренбургской линии»; «О средствах для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа и к благосостоянию торговли при нынешних обстоятельствах», заметки «О мероприятиях для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа» (Халфин, 1974: 73-75). В них Я.П. Гавердовский, констатируя факт политической нестабильности на караванных путях и многочисленные случаи грабежей казахами торговых караванов, предлагал российскому правительству наказывать военно-полицейскими мерами только правящую верхушку казахских родов, участвующих в них, но не рядовых кочевников-скотоводов. Как отмечает И.В. Ерофеева, «предлагая своим высокопоставленным адресатам различные способы обуздания «своеволия» казахов и наказания виновников за совершенные грабежи, Я.П. Гавердовский настойчиво стремился избежать ненужного насилия и причинения материального ущерба основной массе казахского населения, что не может не вызывать определенного уважения и симпатии к нему» (Ерофеева, 2007).

Несмотря на присутствие в правительственных кругах и региональных органах власти сторонников решительных действий в отношении казахов, российское правительство придерживалось более умеренных позиций в решении проблемы безопасности торговых караванов и рекомендовало действовать исключительно дипломатическими методами. Так, весной 1804 г. в Оренбург был вызван хан Младшего жуза Айчувак и султан Среднего жуза Джангир Каипов. Из контекста документов этой встречи следует, что к моменту ее проведения грабеж российских караванов принял массовый характер. Поэтому наряду с вопросом «о прекращении разграбления русских караванов», в ходе встречи обсуждалась проблема «возвращения пограбленного русскому купечеству», «которое почти уже столь чувствительно, что оставляет сей довольной важный торг» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 13). Свидетельством того, что на эту встречу возлагались большие надежды, является тот факт, что вся информация о ней в срочном порядке должна была быть передана вице-канцлеру Воронцову.

В ходе совещания, состоявшегося 24 марта 1804 г., военный губернатор Оренбургского края граф Г.С. Волконский представил позицию российской стороны и потребовал от хана Младшего жуза Айчувака принятия конкретных мер, направленных на возвращение награбленного товара у российских купцов. Хан, в свою очередь, обещал поддержку в данном процессе. Однако в письме, отправленном в Оренбург через несколько дней после встречи, он отказался содействовать возвращению награбленного у русских купцов, мотивируя отказ тем, что «роды, в грабежах участвовавшие, явно и совсем отложились от подчинения ему». На требование прекратить дальнейшие грабежи караванов, следующих в Хиву и Бухару, хан выразил согласие и «обещал в благонамеренных расположениях пребывать» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 20-20 об.).

Однако было очевидно, что в условиях набирающего темпы противостояния этноэлиты Степного края в борьбе за власть и дестабилизации социально-политической ситуации в жузах, роста барымты, ожидать прекращения грабежей было напрасной надеждой. Поэтому в направленной в Петербург депеше генерал-губернатор Г.С. Волконский сделал заключение: «Хан Айчувак весьма мало подал надежды о себе, чтобы мог содействовать в чем-нибудь относительно удовлетворения за разграбленные киргизами (казахами – авт.) купеческие караваны, и решительно отозвался, что он не в силах ни удержат киргизов (казахов – авт.) от наглостей, ни восстановить среди них спокойствия» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 21).

В 1812 г. оренбургскому губернатору Г.С. Волконскому неожиданно удалось заключить договор с депутатами от аргынского и епасского родов Среднего и Младшего жузов «О примирении казахов с

Россией и мерах к обеспечению безопасности русских караванов». Накануне этого события произошло очередное разграбление торгового каравана численностью в 1000 верблюдов, шедшего из Бухары в Троицк. В ходе столкновения пострадало значительное количество казахов как со стороны сопровождавших караваны, так и со стороны нападавших. Уставшие от взаимных набегов и барымты султаны, старшины, бии и родоначальники аргынского, кипчакского и епаского родов Младшего и Среднего жузов собрались 10 августа 1812 г. при урочище Биль Карагай. На съезде «при стечении большого количества их народа» они заключили между собой «миролюбивое условие» о прекращении «международных раздоров и претензий» и «нащел бережения караванов от грабежей дали обязательство». О своем решении они сообщили Г.С. Волконскому (АВПРИ. Ф. 724. Оп. 724. Д. 100. Л. 24-24 об).

В рамках подписанного соглашения казахи взяли обязательство «собрать три тысячи человек вооруженных людей», послать их в аулы подразделений узун и тур аргынского рода, организовавших нападение, «для возвращения ограбленного». По договору они также гарантировали безопасность прохождения «купеческих караванов в Бухарию от России» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 36-37). Взамен казахи требовали предоставления им права «избрать своего аргынского хана» и в случае положительного решения вопроса просили Г.С. Волконского ходатайствовать перед императором о его приезде со свитой в Санкт-Петербург. Это подтверждает тезис об усилении межродовой борьбы и центробежных тенденций в Младшем и Среднем жузах в первые десятилетия XIX в. В связи с этим нужно отметить, что во главе аргынского рода находился влиятельный султан Худай Мендин (именно он претендовал на титул хана), на протяжении нескольких лет контролировавший торговые маршруты в Бухару и сопровождавший туда российские караваны (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 13).

Определенный эффект от заключенного договора имел место. Так, по сообщениям губернатора Волконского в МИД и Управление генерального штаба в 1816 г. «все караваны вернулись в наши пределы благополучно, как начальник бухарского купечества, так и ордынские султаны и бии в сем меня удостоверили лично. Безопасность обеспечивали в Младшем жузе султаны Арынгазы Аблаев и Ширгазы Каипов, Среднего жуза султан Худай Мендин» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 46-46 об.).

На территории казахов Среднего жуза, подведомственных сибирской администрации, случаи нападения на торговые караваны, направляемые в Бухару и Синьцзян участились в 10-е гг. XIX в. Сибирский губернатор Г.И. Глазенап неоднократно запрашивал МИД «о дозволении отправить военный наряд для усмирения киргизцев (казахов – авт.)», грабивших караваны. Однако каждый раз ему рекомендовалось «стараться о доставлении купцам удовлетворения за разграбленные киргизцами караваны чрез их хана; для обеспечения же предбудущее время торговли по Сибирской линии производимой, караван впредь отправлять с надежным прикрытием воинской команды» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 21. Л. 45-46 об).

Однако в условиях отсутствия в регионе значительного воинского контингента сибирская администрация не была способна обеспечивать безопасность караванов. Единственным для нее выходом стало принятие «официальных прошений» казахских правителей о предоставлении им права сопровождать торговые караваны по территории Младшего и Среднего жузов «в бухарские владения и обратно». Но даже эти меры давали слабый эффект. Грабежи продолжались и к началу 20-х гг. XIX в., движение караванов по степи фактически прекратилось. Это могло привести к полному прекращению российско-азиатской торговли.

Упадок внешней торговли России с центральноазиатскими владениями совпал по времени с началом нового этапа ее политики в отношении казахов Младшего и Среднего жузов. В 1822 и 1824 гг. были утверждены Уставы о сибирских и оренбургских казахах, ликвидировавшие ханскую власть в Среднем и Младшем жузах и введшие российскую административно-территориальную, судебную и налоговую системы. Таким образом, началась политическая и социально-экономическая интеграция данного этнорегиона в общеимперское пространство. Все дела, касающиеся казахов, были переданы из Азиатского департамента МИД в МВД. И уже с 30-х гг. XIX в. Младший и Средний жузы стали рассматриваться российской политической элитой как внутренняя провинция империи (Традиционное казахское общество..., 2014).

Все это давало основание для принятия более решительных и силовых методов в решении проблемы безопасности торговых караванов, следующих транзитом через казахскую степь. Так, по Уставу о сибирских казахах 1822 г. нападение на торговые караваны было отнесено к разряду преступлений против государственной власти с соответствующим наказанием. В 1837 г. указом Николая I казахи Оренбургского ведомства, виновные в барымте, измене, убийствах, разбоях, грабежах караванов, захвате русских для продажи в рабство, также были переданы в ведение военных судов. Данный указ был подтвержден «Положением об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г. Кроме того, на султанов-правителей Младшего жуза и старших султанов Среднего жуза российская администрация возложила обязанность по отслеживанию ситуации в степи и недопущению беспорядков и конфликтов между родами (Перфильев, 2010: 6). Другой важной мерой предотвращения нападений на торговые караваны стало возведение в степи новой сети укреплений и редутов.

Военно-оборонительные и нормативно-правовые мероприятия российской администрации, направленные на решение проблемы безопасности торговых караванов, подкреплялись усилиями

дипломатических кругов. Так, в 1821 г. посольству А.Ф. Негри дважды удалось встретиться с бухарским эмиром Хайдар-ханом и договориться с ним о расширении российско-бухарской торговли. В 1830 г. по инициативе Азиатского департамента МИД состоялась поездка Н.Г. Потанина через казахскую степь в Коканд, в 1835–1836 гг. были совершены дипломатические миссии П.И. Демезона и И.В. Витевского в Бухару. Через три года в Бухаре вновь побывала российская дипломатическая миссия Е.П. Ковалевского, в 1841 г. – посольство К.Ф. Бутенева (*Политика России и Китая...*, 2014: 33).

Прорывом российской дипломатии следует признать миссию Г. Данилевского в Хиву в декабре 1842 г. Ей удалось убедить взошедшего на престол за месяц до этих событий Рахимкул-хана поставить печать на «Обязательном акте». Его девять пунктов обязывали Хиву отказаться от враждебных действий против России, в том числе совместных с казахами нападений на русские караваны. Важное значение для развития российско-центральноазиатской торговли имел пункт «обязательного акта», устанавливающий 5 % сбор со стоимости товаров, ввозившихся в Хиву российскими купцами (в Бухаре он составлял 10 %) и гарантировавший беспошлинный транзит через ее территорию в Бухару и Коканд (*Политика России и Китая...*, 2014: 33).

Изменение подходов России к решению проблемы безопасности транзитных торговых караванов, следовавших через казахские степи, сразу отразилось на политике региональной администрации в данном вопросе. В 1822 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич, абсолютно убежденный, что «мирные увещания и переговоры с султанами не дают положительного эффекта, так как грабители знают, что они не будут наказаны», разработал план неожиданного вторжения вооруженного отряда в пределы кочевания двух волостей табуклинского рода Среднего жуза, наиболее активно грабивших торговые караваны (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 111-112 об.*).

По итогам военной экспедиции П.М. Канцевич разослал всем султанам, старшинам и биям Среднего и Старшего жузов письмо, в котором были представлены результаты этого похода. В нем сообщалось, что у табуклинцев кучуковского, юзмаметского, мурза-мамайского и джуван-таякского отделений было конфисковано 1340 лошадей, 560 верблюдов, 831 голова крупного рогатого скота, 2600 баранов. Саких табуклинцев «очень большое число было захвачено в плен, но выбраны были из них более отличившиеся в грабежах 62 человека, из которых на основании узаконений и согласно моему повелению (генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича – *авт.*) 13 человек прогнано сквозь строй, трое через 1000 человек, прочие же по одному разу». Сообщая о наказании, постигшем табуклинскую волость, П.М. Капцевич рекомендовал казахским правителям «иметь строгий надзор за подведомственными казахами и прекратить грабежи караванов и барымты, жить мирно между собой, как подданным Великого Государя подлежит» (*РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 14. Л. 111-112 об.*).

Не менее решительные действия были предприняты оренбургской администрацией. В 1825 г., полковник Шапов с 500 казаками и 2 орудиями вторгся в аулы «сообщников Юлашана (руководителя грабительского отряда казахов – *авт.*), взял 128 человек пленных». В 1836 г. состоялась зимняя экспедиция полковника Мансурова по льду на полуостров Бузачи (в Каспийском море) «для наказания киргизского рода адаевцев, у которых преимущественно находили убежище морские разбойники и эмиссары хивинские». Действия отряда уральских казаков оказались крайне неожиданными для казахов. В результате было взято в плен 53 человека и значительное количество скота. Следует отметить, что для наказания виновных в грабежах российских караванов казахов оренбургские власти использовали башкир. Так, в 1836 г. для наказания казахов, в очередной раз ограбивших в Больших Барсуках российский караван, Перовский направил «башкир 1000 охотников и напустил их на виновных... Наказание было довольно чувствительно и не стоило нам ни гроша» (*Терентьев, 2010: 37*).

Вся предпринятая совокупность мер российских властей дала положительный эффект. Судя по делопроизводственной переписке центральных и региональных органов власти, в 40-е гг. XIX в. проблема безопасности торговых караванов, следующих транзитом через казахскую степь, была решена.

5. Заключение

Проблема безопасности российских купеческих караванов являлась важным аспектом российско-казахских отношений первой половины XIX в. Причиной массового разграбления российских и центральноазиатских караванов в казахской степи следует считать уход с политической арены влиятельных ханов XVIII в., спровоцировавший усиление борьбы за власть между их многочисленными потомками. Возможность сопровождать российские торговые караваны через казахскую степь, обеспечивая их безопасность, стала рассматриваться казахской этноэлитой как дополнительный аргумент усиления своего влияния и могущества в степи. Борьба между ними за это право приводила к многочисленным нападениям на торговые караваны тех султанов, которые не смогли его получить.

Российская администрация уделяла огромное внимание проблеме безопасности своих караванов, следовавших на центральноазиатские рынки через казахскую степь. Данная проблема обсуждалась с членами «депутатских миссий» казахских ханов, султанов Младшего и Среднего жузов, которые приезжали ко двору российских императоров в первой половине XIX в. В ходе переговоров

стороны рассматривали вопросы расширения азиатской торговли, усиления мер безопасности торговых караванов, ответственности казахских родоправителей за их сопровождение, поимки и наказания виновных в разграблении караванов. Региональные власти проводили расследования, выявляли виновных в разграблении того или иного каравана, требовали с них возврата награбленного. Однако все это дипломатические меры не приносили желаемого успеха. Поэтому, начиная с 20-х гг. XIX в., после введения Уставов о сибирских и оренбургских киргизах 1822 и 1824 гг. российский власти стали рассматривать нападение на русские торговые караваны как уголовное преступление и наказывать виновных в рамках российского законодательства. На региональном уровне для этого стали использоваться более решительные меры по поимке и наказанию виновных. Вся данная совокупность мер позволила российским властям решить к концу 40-х гг. XIX в. проблему безопасности транзитных торговых караванов в казахской степи.

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Апполова, 1976** – *Апполова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. Москва, 1976. 371 с.
- Бекмаханов, 1947** – *Бекмаханов Е.Б.* Казахстан в 20–40 гг. XIX в. М., 1947. 230 с.
- Внешняя политика..., 1960** – Внешняя политика России XIX – начала XX в. Сб. документов. М., 1960. 750 с.
- Галиев, 2003** – *Галиев В.В.* Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – начало XX в.) Алма-Ата, 2003. 189 с.
- Ерофеева, 2007** – *Ерофеева И.В.* Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. 620 с.
- Зиманов, 1960** – *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана в конце XVIII века и первой половине XIX века. Алма-Ата. 1960. 247 с.
- История Казахстана..., 2000** – История Казахстана в пяти томах. Алматы, 2000. Т. 3. 765 с.
- Кожирова, 2000** – *Кожирова С.Б.* Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Астана, 2000. 138 с.
- Материалы по истории..., 1940** – Материалы по истории Казахской ССР. 1785–1828 гг. М., 1940. Т. 4. 543 с.
- Материалы по истории..., 1948** – Материалы по истории Казахской ССР. 1741–1751. Алма-Ата, 1948. Т. 2. Ч. II. 456 с.
- Мейендорф, 1975** – *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 183 с.
- Перфильев, 2010** – *Перфильев А.Л.* Политика Российской империи по урегулированию межродовых конфликтов казахов Младшего и Среднего жузов // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3 (11). С. 5-8.
- Политика России и Китая..., 2014** – Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2014. 459 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Сладковский, 1977** – *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1977. 440 с.
- Старцев, 2003** – *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в. Барнаул, 2003. 308 с.
- Терентьев, 2010** – *Терентьев М.* Хивинские походы русской армии. М., 2010. 448 с.
- Традиционное казахское общество..., 2014** – Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.) / Под редакцией Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014. 271 с.
- Халфин, 1960** – *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868) М., 1960. 272 с.
- Халфин, 1974** – *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.
- Lysenko, 2018** – Lysenko Yu. A. (2018) «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century // *Bylye Gody*. № 50(4). pp. 1518-1529.

References

- АВПРИ** – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii. [Archive of foreign policy of the Russian Empire].
- Appolova, 1976** – *Appolova N.G.* (1976). Khozyaystvennoye osvoyeniye Priirtyshia v kontse XVI – pervoy polovine XIX v. [Economic development of Priirtyshje at the end of XVI– to the first half of the 19th century]. Moscow. 371 p. [in Russian]
- Bekmakhanov, 1947** – *Bekmakhanov E.B.* (1947). Kazakhstan v 20–40 gg. XIX v. [Kazakhstan in 20–40 of XIX century]. Moscow. 230 p. [in Russian]

- Vneshnyayaya politika..., 1960** – Vneshnyaya politika Rossii XIX – nachala XX v. [Foreign policy of Russia XIX – the beginnings of the 20th century]. Sb. Dokumentov, Moscow, 1960, 750 p. [in Russian]
- Galiyev, 2003** – *Galiyev V.V.* (2003). Kazakhstan v sisteme rossiysko-kitayskikh torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy v Sintszyane (konets XIX– nachalo XX v.). [Kazakhstan in the system of the Russian-Chinese trade and economic relations in Xinjiang (the end of XIX – the beginning of the 20-th century)]. Alma-Ata. 189 p. [in Russian]
- Erofeyeva, 2007** – *Erofeyeva I.V.* (2007). Rukopisnoye naslediyе poruchika Ya. P. Gaverdovskogo po istorii. geografii i etnografii Kazakhskoy stepi. [Hand-written heritage of the lieutenant Ya.P. Gaverdovsky on stories. geography and ethnography of the Kazakh steppe]. // *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov.* T. V. Pervyye istoriko-etnograficheskiye opisaniya kazakhskikh zemel. Pervaya polovina XIX veka. Almaty. 620 p. [in Russian]
- Zimanov, 1960** – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskiy stroy Kazakhstana v kontse XVIII veka i pervoy polovine XIX veka. [Political system of Kazakhstan at the end of the 18th century and the first half of the 19th century]. Alma-Ata. 247 p. [in Russian]
- Istoriya Kazakhstana..., 2000** – *Istoriya Kazakhstana v pyati tomakh.* [The history of Kazakhstan in five volumes]. Almaty, 2000, T. 3. P. 765. [in Russian]
- Kozhirova, 2000** – *Kozhirova S.B.* (2000). Rossiysko-kitayskaya torgovlya v Tsentralnoy Azii (vtoraya polovina XIX– nachalo XX v.). [The Russian-Chinese trade in Central Asia (the second half of XIX – the beginning of the 20-th century)]. Astana. 138 p. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1940** – *Materialy po istorii Kazakhskoy SSR.* (1940). 1785–1828 gg. [Materials on the history of the Kazakh SSR. 1785–1828]. Moscow. T. 4, 543 p. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1948** – *Materialy po istorii Kazakhskoy SSR.* (1948). 1741–1751. [Materials on the history of the Kazakh SSR. 1741–1751]. Alma-Ata. T. 2, Ch. II, 456 p. [in Russian]
- Meyendorf, 1975** – *Meyendorf E.K.* (1975). Puteshestviye iz Orenburga v Bukharu. [Travel from Orenburg to Bukhara]. Moscow. 183 p. [in Russian]
- Perfilyev, 2010** – *Perfilyev A.L.* (2010). Politika Rossiyskoy imperii po uregulirovaniyu mezhrodovyykh konfliktov kazakhov Mladshhego i Srednego zhuzov. [Policy of the Russian Empire on settlement of the intergeneric conflicts of Kazakhs of Younger and Average zhuzes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* № 3(11). pp. 5–8. [in Russian]
- Politika Rossii i Kitaya..., 2014** – *Politika Rossii i Kitaya v Tsentralnoy Azii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Policy of Russia and China in Central Asia in the second half of XIX – the beginning of the 20th century]. Barnaul, 2014, 459 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [The Russian state historical archive].
- Sladkovskiy, 1977** – *Sladkovskiy M.I.* (1977). Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy narodov Rossii s Kitayem (do 1917 g.). [A story of trade and economic relations of the people of Russia with China (till 1917)]. Moscow. 440 p. [in Russian]
- Startsev, 2003** – *Startsev A.V.* (2003). Russkaya torgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [The Russian trade in Mongolia (the second half of XIX – the beginning of the 20th century)]. Barnaul. 308 p. [in Russian]
- Terentyev, 2010** – *Terentyev M.* (2010). Khivinskiye pokhody russkoy armii. [Khivan campaigns of the Russian army]. Moscow. 448 p. [in Russian]
- Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo..., 2014** – Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) (2014). [Traditional Kazakh society in national policy of the Russian Empire: conceptual bases and mechanisms of realization (XIX – the beginning of the 20th century)] / Pod redaktsiyey Yu. A. Lysenko. Barnaul. P. 271. [in Russian]
- Khalfin, 1960** – *Khalfin N.A.* (1960). Politika Rossii v Sredney Azii (1857–1868). [Policy of Russia in Central Asia (1857–1868)]. Moscow. 272 p. [in Russian]
- Khalfin, 1974** – *Khalfin N.A.* (1974). Rossiya i khanstva Sredney Azii (pervaya polovina XIXv.). [Russia and khanates of Central Asia (the first half of XIX century)]. Moscow. 406 p. [in Russian]
- Lysenko, 2018** – *Lysenko Yu. A.* (2018). «Deputative missions» of the Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century. *Bylye Gody.* № 50(4). pp. 1518–1529.

Проблема безопасности торговых караванов в российско-казахских отношениях первой половины XIX в.

Юлия Александровна Лысенко ^{а, *}

^а Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^б Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^с Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Начавшееся на рубеже XVIII–XIX вв. массовое нападение на русские торговые караваны в казахской степи, следовавшие через нее транзитом на рынки Центральной Азии, актуализировало в российско-казахских отношениях вопрос о их безопасности. Возникновение данной проблемы было связано с уходом с политической арены авторитетных ханов XVIII в. и ростом борьбы за власть между их многочисленными потомками. Возможность сопровождать российские караваны через казахскую степь, обеспечивая их безопасность, стала рассматриваться казахской этноэлитой как веский аргумент усиления политического влияния. Конкурентная борьба между ней за это право приводила к нападениям на торговые караваны тех султанов, которые не смогли им воспользоваться.

В начале XIX в. проблема безопасности торговых караванов обсуждалась с членами «депутатских миссий» Младшего и Среднего жузов, приезжавших ко двору российских императоров. На переговорах рассматривались вопросы усиления охраны караванов, ответственности султанов за их сопровождение, механизмы выявления виновных в нападениях. Региональные власти призывали родоправителей усилить контроль за ситуацией в степи и пресекать новые попытки нападений. Однако дипломатические меры не приносили желаемого эффекта. Поэтому, начиная с 20-х гг. XIX в., российские власти стали рассматривать грабеж русских торговых караванов как уголовное преступление и определять меру ответственности виновным в рамках действующего законодательства. На региональном уровне были задействованы более решительные меры по поимке и наказанию виновных.

Ключевые слова: Российская империя, казахи, Синьцзян, Бухара, Хива, транзитная торговля, безопасность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)